

Из наблюдений над
ковчегом
князя Ивана
Хворостинина
(1605–1621 гг.)*

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Федор Борисович
Успенский**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Some Observations
on the Reliquary
of Prince Ivan
Khvorostinin
(1605–1621)

Anna F. Litvina

National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

National Research University
Higher School of Economics /
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Настоящая работа посвящена анализу надписей и изображений, присутствующих на знаменитом артефакте, за которым закрепилось название «Ковчег князя Ивана Хворостинина». Нас будут интересовать как те тексты,

---

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Из наблюдений над ковчегом князя Ивана Хворостинина (1605–1621 гг.) // *Slověne*. 2021. Vol. 10, № 1. С. 94–112.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2021) Some Observations on the Reliquary of Prince Ivan Khvorostinin (1605–1621). *Slověne*, Vol. 10, № 1, p. 94–112.

DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.1.6

которые непосредственно помещены на различных частях этого объекта, так и те, что могут быть потенциально связаны с различными его элементами. Вопреки сложившейся традиции, в статье предлагается взглянуть на ковчег не как на атрибут государственной власти, но как на семейную реликвию. В такой перспективе важными инструментами исследования оказываются история культа личных патрональных святых и светской христианской двуименности.

Ключевые слова

историческая ономастика, средневековая Русь, многоименность, месяцесловная традиция, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители

Abstract

The present paper offers a rethinking of inscriptions and images on the famous artifact known as “Prince Ivan Khvorostinin’s reliquary”. We are interested both in the texts inscribed directly on various parts of this objects and those potentially linked with some of its elements. Contrary to the widely accepted opinion, the article suggests seeing this reliquary not as an attribute of state power, but as a family relic of the Khvorostinins. From this perspective, the important tools of research are the history of the cult of personal saint patrons and the history of secular Christian binominality.

Keywords

onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus, Medieval Russian polyonymy, dual naming of lay Christians, saints’ cult, Church calendar, holy patrons

Знаменитый ковчег Ивана Хворостинина, хранящийся в коллекции музеев Московского Кремля, является, быть может, одним из самых загадочных артефактов начала XVII в. Загадочности этой он в немалой степени обязан контрасту между тем высоким статусом, который придается ему в описаниях XIX столетия и исследованиях XX в., и существенным дефицитом данных о его происхождении и появлении среди сокровищ Благовещенского собора.

В самом деле, находящийся в ковчеге крест в описях XIX в. характеризуется как *Мономахов* и отождествляется напрямую с крестом, который, по легенде, был передан Владимиру Мономаху византийским императором Константином в числе других царских инсигний [Малиновский 1807: 54; Древности 1851: 67]. С другой стороны, в исследовательской литературе высказывались предположения, что он был изготовлен специально для помазания на царство Ивана Грозного. Утверждалось, что именно этим крестом пользовались при венчании на царство ранних Романовых, в частности, царя Федора Алексеевича ([Мартынова 2003], с указанием литературы). Считалось, кроме того,

что реликвии, содержащиеся в панагии, которая соседствует с крестом, — это не что иное, как тот самый камень от Гроба Господня, на котором, по повелению патриарха Гермогена, были надписаны царские имена Ивана Васильевича Грозного, его сына Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова [Муравьев 1858: 287].

Илл. Фрагмент ковчега с иконой. Без крышки
Опубл.: [Мартынова 2000; Eadem 2003]

Существенно, однако, что ни одно из этих допущений не подкрепляется письменными данными (а некоторые из них напрямую им противоречат), и, что для нас особенно важно, фигура князя Ивана Андреевича Хворостинина (†1625 г.) в качестве заказчика самого ковчега, вместилища столь значимых государственных инсигний, вызывала и продолжает вызывать немалое недоумение. Как случилось, что этот заказ не был сделан самими московскими государями и подобное предприятие было поручено лицу, не имевшему тесной связи с царским домом, да еще такому, как князь Хворостинин — сомнительному фавориту Лжедмитрия и вольнодумцу, подвергавшемуся ссылке и опале, напрямую обвинявшемуся в неправославии, чья карьера при Романовых и в лучшие периоды едва ли могла быть охарактеризована как первостатейная?

Если отвлечься от той государственной ценности, которую усматривают в данном предмете на протяжении двух последних столетий, то, как кажется, становится вполне объяснимым, почему «украшение и искание» князя Хворостинина могло выглядеть именно таким образом. В настоящей работе мы попытаемся взглянуть на историю создания этого предмета в филологической перспективе, опираясь, в первую очередь, на ономастические данные и тексты той эпохи, прибегая по мере необходимости к замечательным искусствоведческим описаниям, представленным в работах М. В. Мартыновой. При этом мы хотели бы отделить известия первой трети XVII в., времени создания ковчега, от позднейшей традиции их осмысления.

Надо сказать, что наш объект буквально подталкивает именно к такому подходу и, во всяком случае, сам по себе дает для него весьма обильный материал. Значительная часть компонентов, из которых эта реликвия состоит, несет на себе разнообразные тексты — от лаконичных подписей к образам святых до пространных евангельских цитат и, что для нас особенно интересно, комментариев, поясняющих собственное содержимое. В известном смысле, наш ковчег — сам себе опись, составленная его заказчиком¹.

---

¹ Перечислим здесь (предельно схематично) элементы, составляющие этот комплексный объект, отсылая читателя за детализированным описанием к работам М. В. Мартыновой [2000], [Eadem 2003]. Интересующий нас ковчег — это не что иное, как деревянный ящичек с крышкой, обитый золотыми и серебряными пластинами, причем и крышка, и окружающая ее рама изобилуют черневыми изображениями. На задней стороне ковчега есть три потайных ящичка, в которых сохранились два серебряных мощевика с резными изображениями св. Матфея, новомученика и чудотворца, и великомученицы Гликерии. Снаружи на нижней части крышки крепится пластина с надписью. Внутри самого ковчега находится серебряная золоченая икона, к которой прикреплен шестиконечный деревянный крест с золотой оправой, а в нижнюю ее часть вставлена своего рода панagia (так ее называют в описях; она же именуется

Наиболее пространный из этих текстов, надпись на нижней части крышки ковчега, был призван, по всей видимости, завершить процесс собирания реликвий — в нем явственно зафиксирован голос самого князя Хворостинина:

В семь ките крѣтъ сѣго и животворящаго древа на нем же ра(с)па(с)и Хѣъ бгъ а сеи сѣи крѣтъ сътворенъ живатв(о)рящимъ сомосущнымъ древесем а сие стое древо w(т) того крста иже бѣ присланъ w(т) Константинопола в Киевъ великому кѣсю Владимирю Манамаху Константина Манамаха единоголасна нареченнаго шапку и дивдиму и сердоличноую чаркоу из неѣ же иногда весельсѣ Августъ кесарь римскій еще же и тои сѣи крѣтъ тогда приѣ w(т) митрополита Невѣита эфесскаго и митоулискаго и милитѣискаго и и прочих семь оубо свидѣтельствоует во wсмой главѣ в степенной книгѣ. в том же китѣ скрыжалца имоуще камень живоноснаго гроба г(с)дня и w(т)валенныи w(т) гроба ихъ же Ѡсѣфан патрѣархъ иеросалимскій на своихъ пересѣхъ носивъ да в том же китѣ мощи мѣницы Гликерии мощи прѣдныѣ Парасков(ы) ѣи во плоти мощи Матѣѣи новомученнаго во плоти. оукрашение сие и искание кѣса Іѡанна Ѡндрѣевича Хворостинина начать же бысть оукрашати дѣло сие в почестъ Хѣа Бга ншего в лѣта *зргі <1605> а совершенно бысть в лѣта *зркѣ <1621> году [Мартинова 2000: 63; Eadem 2003: 97–98].

Попробуем приняться за чтение этой надписи с конца, вернее, с дат, маркирующих начало и завершение работы над предметом (1605 и 1621 гг.). Лежащий между ними промежуток, в значительной степени приходящийся на Смутное время, разумеется, не мог уйти на выполнение какого бы то ни было царского заказа. Очевидно, что Иван Хворостинин хотел подчеркнуть, сколь долго и тщательно — в сущности, на протяжении всей своей взрослой жизни — он занимался собиранием и оформлением этого комплексного объекта.

При этом указание на 1605 г. как нельзя лучше сочетается с теми возможностями коллекционирования ценных предметов, которые проистекают из общеизвестных особенностей биографии Хворостина. Именно в ту пору он оказался при дворе самозванца и, как упоминают современники, пользовался его незаурядным расположением. Характер милостей Лжедмитрия к 18-летнему юноше даже заставлял иностранных наблюдателей (например, Станислава Немоевского и Исаака Массу) предполагать или констатировать специфический характер их связи².

«скрыжалъ» или «скрыжалца» в текстах самого ковчега). Надписи присутствуют на всех элементах комплекса — на кресте, на иконе, на раме, на крышке, на пангии и мощевиках.

² Ср.: «...он <Лжедмитрий. — А. Л., Ф. У.> также растлил одного благородного юношу из дома Хворостининых, которые принадлежат к знатному роду, и держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и все себе позволял» [Исаак Масса: 121].

Независимо от того, принимаем ли мы за чистую монету такого рода оценку их отношений, совершенно очевидно, что близость Хворостинина и Лжедмитрия производила впечатление на современников. Как известно, много позже сам князь возьмет на себя роль одного из историографов Смутного времени — именно его перу принадлежит сочинение «Словеса дней и царей и святителей московских». Повествуя о Лжедмитрии I, Хворостинин оказывается в весьма сложном положении, потому что он стремится, с одной стороны, обличить низвергнутого самозванца, а с другой — подчеркнуть собственную значимость во времена его правления. Последнее могло бы показаться риторическим самовосхвалением, набором готовых клише, но упомянутые показания внешних источников придают известный вес этой автохарактеристике: «юноша некий, иже ему любим бѣ, и печашася присно о его спасении паче же всех человек под областью его» [РИБ 13 (1892): 537].

Для нас же наиболее существенно, какие материальные перспективы открывались перед любимцем Лжедмитрия в тот краткий период, когда царские сокровищницы оказались в руках самозванца и были щедро раздаваемы и разграбляемы. Нам хотелось бы подчеркнуть, что у такого человека, как Иван Андреевич Хворостинин, была возможность не только получать щедрые дары, но и выбирать их согласно своим вкусам и предпочтениям. Почему же его выбор пал на крест, прикрепленный к иконе с изображением св. царицы Елены? Как кажется, ответ на этот вопрос кроется в том, с какими предметами он счел нужным соединить эту замечательную икону, создавая ковчег как целое³.

Более всего в этом отношении показательны сделанные на оборотной стороне ковчега три потайные ящичка, в каждом из которых храни-

---

³ Мы намеренно оставляем в стороне проблему изначального происхождения и предшествующей судьбы ключевых элементов этого артефакта — иконы и креста, созданных, по всей видимости, в XVI столетии. Укажем только, что утверждение, согласно которому прикрепленный к иконе крест некогда фигурировал в качестве наперсного креста при венчании Ивана Грозного на царство, не более чем допущение исследователей XIX в., прижившееся в историографии, а потому иногда повторяемое как установленный факт. Как отмечается в работе М. В. Мартыновой [2003], «некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что данный крест не только не имеет цепи, но и оглавия, к которому она могла бы крепиться, то есть его нельзя надеть на шею». Там же исследовательница вполне справедливо констатирует, что интересующий нас крест никак не соответствует изображениям 1551 г.: «в барельефах царского места (1551) в Успенском соборе Московского Кремля, посвященных венчанию Владимира Всеволодовича <Мономаха>, но фактически, как считают исследователи, отражающих венчание Ивана IV, на груди князя изображен большой крест на цепи, причем крест четырехконечный» [Ibid.]. С другой стороны, М. В. Мартынова, несколько неожиданным образом, здесь же допускает, что крест из ковчега Хворостинина — это тот самый наперсный крест, который возлагался на царя при венчании Федора Алексеевича Романова [Ibid.], что нам представляется решительно невозможным; никаких документальных подтверждений этому нет.

лось по одному мощевнику с изображениями св. Гликерии, св. Параскевы и св. Матфея Чудотворца. Как нетрудно убедиться, все эти реликвии, наряду с крестом и панагией⁴, по отдельности упомянуты в надписи Ивана Хворостинина (см. выше). Характерно, что изображения двух из этих святых, Параскевы и Гликерии, снабженные соответствующими подписями, появляются еще и на раме ковчега.

Вообще говоря, подобная репликация — это один из принципов устройства данного артефакта как сакрального предмета. Приведем некоторые примеры, демонстрирующие, как работает этот принцип повтора, призванный акцентировать наиболее значимые элементы как на уровне текста, так и на уровне изображения. Характерно, прежде всего, что евангельские сцены, изображенные на крышке ковчега, во многом воспроизводят именно те сюжеты из Священного писания, которые уже присутствуют на лицевой стороне панагии, вставленной в хранящуюся в нем икону. При этом надпись на оборотной стороне панагии, объясняя, в чем святость заключенных здесь трех камней, как бы задает те сюжеты, которые представлены на ее лицевой стороне⁵ и на крышке ковчега:

В сєи скрыжалє сѣое камєниє верхънєи малѣищїи камєнь глѣтса марма(р) і то єсть кам(є)нь вє(р)хнїа цїкї жївоно(є)на(г) гроба гнѣ а другїи камє(н)ь по(дє) нїмь сєї є(є)ть самосущнаго гроба гнѣ на(д) нїми (ж) м Хвѣ обра(з) їзображєнъ а нїжнє(и) трєтє(и) камєн(ь) иже єсть в оуглє на нє(м) жє анѣлъ начертанъ и то єсть ѡ(т)валєнны ѡ(т) двєрєи гроба гнѣ в в(о)скрес(є)нї(є) єгои сєдє аѣ- глѣ на нємъ тогда и мироносицы прише(д)шє и видѣша єг(о) сїю жє сѣбно свѣиши(и) патрєархъ Фєофанъ и(є)росалїмьскїи на своїхъ персєхъ носї(л) глѣста нѣкїи ѡ нємъ когда діакономъ бѣ и прїєдѣ гнїю гробу архїєрѣимскїмъ повєлѣнїє(м) и малу частъѡ(т) нєго взятъ єжє єсть сїи [Мартынова 2003: 91].

Особенно наглядна перекличка между рассказом о третьем камне и сценой, расположенной на левой нижней части крышки ковчега, где изображены жены мироносицы у Гроба Господня и восседающий на камне ангел; очевидно, однако, что и два других камня также вовлечены в эту систему репликаций.

В соответствии с этим же принципом устроен и тот повтор, о котором мы говорили выше, касающийся святых мучениц Параскевы и Гликерии: их мощи вложены в ящички на нижней стороне ковчега, изображения этих святых появляются на раме и, наконец, о соответствующих

⁴ Как уже отмечалось выше, термин *панагия* применительно к этому вставленному в нижнюю часть иконы объекту используется исследователями. Сам Хворостинин называет его «скрыжалю» и «скрыжалъцами».

⁵ Три сцены, изображенные на лицевой стороне панагии, посвящены Воскресению Христа, одна из них — «Восстание Христа из гроба».

реликвиях упоминается в финальной надписи, имеющейся на нижней части крышки. Подобная троекратная репрезентация несомненно свидетельствует об особом акценте, который был поставлен заказчиком на почитании этих мучениц. Иными словами, речь и в данном случае идет о целенаправленном подборе реликвий и изображений заказчиком, а не о спонтанном соединении как можно большего числа произвольных святынь.

Однако в рамках гипотетического царского поручения такой выбор святых оказывается практически необъяснимым. Так, св. Гликерия не была, насколько мы можем судить по всей совокупности дошедших до нас источников, личной покровительницей, небесной тезкой кого-либо из последних Рюриковичей или первых Романовых на престоле, не принадлежала она и к числу тех наиболее почитаемых династией святых, чьи изображения могли появляться на любых сакральных объектах вне зависимости от личного патроната. С другой стороны, в контексте семейной истории Хворостининых именно эта мученица занимает совершенно особое место.

Дело в том, что *Гликерией* была наречена в крещении родная мать князя Ивана Андреевича, которая в повседневной жизни была известна как *Елена*. Случай ее имянаречения являет собою, в сущности, классический образчик светской христианской двуименности.

Традиция наделения сразу двумя календарными именами просуществовала на Руси не одно столетие⁶. Она возникла не позднее рубежа XIII–XIV вв., была широко распространена вплоть до XVIII в., а в некоторых особых социальных группах не угасла полностью и донныне. Однако своеобразный пик популярности этой практики приходится на XVI–XVII вв., т. е. именно на ту эпоху, когда княгиня Хворостинина родилась, выходила замуж и принимала постриг. На всем протяжении существования практики христианской двуименности она оставалась явлением хотя и нередким, но факультативным: в одном социальном слое, в одной семье обладатели двух календарных имен существовали бок о бок с теми, у кого никакого второго христианского имени не было. Среди женщин двуименность была распространена, по-видимому, в той же мере, что и у мужчин. Упомянем лишь нескольких современниц княгини Хворостининой, обладавших двумя светскими христианскими именами: соперничавших княгинь Марию / Евфимию Лыкову и Марию / Евфросинию Пожарскую, еще одну княгиню Пожарскую,

---

⁶ Исследователями существование этого явления так или иначе отмечалось с середины XIX в., но чаще всего речь шла о точечных фиксациях того или иного ономастического эпизода, когда конкретное историческое лицо оказывалось обладателем двух христианских имен, а не о целостном описании этой долгоживущей традиции.

которая была Екатериной / Марией, и царицу Марию / Екатерину Петровну Шуйскую (урожд. Буйносову-Ростовскую), а также царицу Феодосию / Пелагею Михайловну, сноху Грозного, вторую жену царевича Ивана Ивановича (урожд. Соловую), и холопку Ксению / Иулианию⁷, двух урожденных Едемских — Параскеву / Иулианию Щепеткину⁸ и жену Даниила Григорьевича Строганова Ольгу / Акилину⁹, крестьянку Пелагею / Акилину Григорьеву дочь¹⁰ и княгиню Ирину / Домнику Михайловну Мстиславскую (урожд. Темкину-Ростовскую), Марию / Агриппину Ершову (урожд. Гагарину)¹¹ и Феодосию / Марию Кукарину¹², Стефаниду / Матрону Яковлевну Хвостову (урожд. Путилову)¹³ и Стефаниду / Матрону Андреевну Годунову¹⁴.

Два мирских христианских имени этих и других носительниц двуименности иногда фигурируют рядом, в пределах одного текста (а порой здесь может появиться и третье христианское имя, которое они получили при постриге), но чаще в каждом конкретном документе зафиксировано лишь одно из них. В источниках сугубо светского содержания, таких, к примеру, как дворцовые разряды, мы обычно обнаруживаем лишь публичное имя того или иного лица. Что же касается записей, имеющих отношение к церковной жизни, то здесь имена одного и того же человека могут встречаться в самых разных комбинациях. Говорить о двух именах княгини Хворостининой мы можем благодаря следующим свидетельствам.

⁷ Ср.: «...а женать де онъ на старинной робѣ на Ульянке, прозвище Оксѣньице» [РИБ 17 (1898): 159 <№ 429>].

⁸ Ср.: «128-го <1619> году ноября въ 8 день преставися Оуляна Петрова дочь Ёдемского пореклому Парасковья Никитина жена Щепеткина» [Яцимирский 1897: 224].

⁹ Ср.: «146-го <1638> августа в 7 день преставися Акилина, а во иноцехъ Антонида схимница Гаврилова дочь Ёдемского, пореклому Ольга Данилова жена Строганова; жила 80 лѣтъ» [Яцимирский 1897: 227 <л. 47>].

¹⁰ Ср.: «Се яз, вдова Окулина Григорьева дочь, прозвище Палагея, Федотовская жена Иванова, родиною Тверского уезда села Мигалове заняла есми <...> 2 руб. денег московских ходячих» [Вахрамеев 1896: 21].

¹¹ Ср.: «132-го <1624> году июля в 1 день дала вкладу Огрофена, прозвище Марья, князь Федорова дочь Гогарина Александровская жена Ершова вотчину мужа своего в Муромском уезде в Дубровском стану село Сельцо, а в нем храм чудотворца Николы, да деревню Инюшино со крестьяны и со всеми угоды по цене 500 рублей» [Вкладная книга ТСМ: 143 <л. 549 об.>].

¹² Ср.: «120 (1611/12)-го году дал вкладу Офонасей Юрьевич Кукарин по жене своей Марье, прозвище Федосье <...> И за тот вклад жену ево Марью погребли в дому живоначальные Троицы и в сенадики написали» [Вкладная книга ТСМ: 137 <л. 526 об.>].

¹³ Ср. грамоту 1573 г., составленную от лица «Ивановой жены Никитина сына Хвостова, Матрены, а прозвище Стефаниды, Яковлевы дочери Путилова» [Шумаков & Шохин 2002: 39–40 <№ 90>].

¹⁴ См. о ней подробнее: [Литвина & Успенский 2018a].

В Кормовой книге Спасского Ярославского монастыря и во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря она фигурирует как княгиня Елена, во инокинях Геласия (Геласия):

Марта въ 10 день, кормъ кормити по князь Андреевъ Ивановича Хворостинина княгинѣ Еленѣ, во инокиняхъ Геласіи, да по сынѣ ея по князь Иванѣ Андреевичѣ, во иноцѣхъ Ионе... [Вахрамеев 1896: 27]; ср.: [Вкладная книга ТСМ: 47 <л. 136 об.>].

В свою очередь, во Вкладной книге ростовского Борисоглебского монастыря она же показана как княгиня Гликерия Васильевна:

Дала в домъ Пречистые Богородицы и великихъ стратотерпщевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба князя Ондрѣева княини Ивановича Хворостнина княгини Гликѣрья Васильевна, да сынѣ еѣ князь Иванъ Ондрѣевичъ по отцѣ своемъ по князе Ондрѣе Ивановиче... [Титов 1881: 9].

Одно из этих имен, *Геласия*, очевидным образом, было монашеским именем княгини Хворостининой; под другим, *Елена*, она фигурировала в повседневной жизни. Статус же третьего имени, *Гликерия*, также не вызывает сомнений: на основании всех имеющихся данных о христианской двуименности той поры можно с уверенностью сказать, что оно было крестильным именем княгини — именно к нему по первой букве было подобрано иноческое *Геласия* [Литвина & Успенский 2018: 263–264]¹⁵.

Подобное сочетание этих женских имен — *Гликерия* и *Елена* — было, по-видимому, достаточно распространенным. Во всяком случае, при общем дефиците данных относительно женских имен среди женщин,

---

¹⁵ В чем-то казусу княгини Хворостининой «повезло», ибо он в свое время привлек внимание Н. П. Лихачева, одного из первых, кто заинтересовался светской христианской двуименностью как таковой. Однако здесь произошло недоразумение, вполне естественное для столь раннего этапа изучения этого ономастического феномена, масштабы и принципы функционирования которого стали видны отнюдь не сразу. В одной и той же тетради «Известий русского генеалогического общества» появились две маленькие заметки Н. П. Лихачева, в одной из которых он говорит о том, сколь много пользы может принести публикация и изучение синодиков для выявления двух светских христианских имен одного и того же человека, а в другой недоумевает по поводу того, что княгиня Хворостина в разных источниках упоминается под тремя разными именами [Лихачев 1900; Idem 1900a]. Он с большой долей неуверенности допускал, что имена *Гликерия* и *Геласия* могут относиться к двум ступеням монашеского пострига (постриг в мантию и в великую схиму) [Idem 1900a: 106]. Теперь, когда о возможностях перемены имени в монашестве мы знаем гораздо больше, правомерно говорить о том, что двукратная смена имени при постриге в тот период еще оставалась большой редкостью [Успенский & Успенский 2017: 40–81], тогда как мирская двуименность, напротив, была весьма широко распространена.

рожденных в XVI столетии, известны по крайней мере еще две знатные обладательницы этой антропонимической пары¹⁶.

Подобная распространенность сочетания *Елена / Гликерия* объясняется, вероятно, календарной близостью дней празднований двум соответствующим святым — память мученицы Гликерии (13 мая) отделена от памяти царицы Елены (21 мая) восьмидневным промежутком. Чаще всего, если у человека в ту эпоху было два христианских имени, крестильное и публичное, то первое из них давалось непосредственно в честь того святого, на день памяти которого он родился. Выбор же второго имени был в большей степени обусловлен пожеланием семьи, ее представлением о подходящих и неподходящих для новорожденного именах. Однако и здесь возможности выбора ограничивались известными календарными рамками — празднование святому тезке по публичному имени должно было не слишком далеко отстоять от дня поминаения святого тезки по имени крестильному.

¹⁶ Эти имена носила в миру современница княгини Хворостининой, дочь князя Ивана Самсоновича Туренина, выданная замуж за Ивана Семеновича Куракина. Весьма характерно, что в челобитной ее сестры Марии, где речь идет о наследстве скончавшейся княгини Куракиной, последняя в пределах одного текста называется то *Аленой (Еленой)*, то *Гликерией*: «в прошлом, государи, во 133 <1624/25> году Божимъ судомъ сестры моей родной князь Ивановы жены Семеновича Куракина кнеини Алены не стало <...> И какъ въ прошломъ во 133 <1624> году декабря въ 14 день судомъ Божимъ его князь Ивановы княгини Гл и к е р њ и не стало, и тѣло свое велѣла погresti въ Троецкомъ Сергiевѣ монастырѣ, а въ духовной своей велѣла написать отцу своему духовному и отказала вотчину свою сельцо Богородицкое съ поустошми сестрѣ своей кнегинѣ Марѣ <...> Да въ томъ же во 133 <1624> году <...> прислалъ подѣ отпискою своею князя Ивана Куракина умершiя княгини Гл и к е р њ и духовную, отца еѣ духовнаго Архангельскаго попа Гаврила рука писмо, а въ духовной еѣ написано — отказываетъ она сестрѣ своей княгинѣ Марѣ <...> вотчину свою приданую <...> и та духовная умершiя княгини Гл и к е р њ и не свидѣтельствована потому, что въ той духовной приказъ писанъ мужу еѣ князь Ивану Куракину» [Георгиевский 1907: 317–318]. Вполне характерным образом, во вкладных монастырских записях, где речь идет о поминовении княгини Куракиной, она именуется *Гликерией* [Леонид Кавелин 1879: 95; Вкладная книга ТСМ: 95 <л. 338 об.>, 96 <л. 339>], тогда как в таких светских источниках, как писцовые книги, она выступает под именем *Елена* [Холмогоров & Холмогоров 5 (1886): 146–147]. Подобное распределение сфер функционирования антропонимов выглядит вполне типичным для такой ситуации, когда княжну крестили бы *Гликерией*, а в качестве публичного и родового она получила бы имя *Елена*. Еще одна Елена / Гликерия, урожденная княжна Кубенская, выданная замуж за воеводу Петра Васильевича Морозова, появилась на свет заметно раньше, в первой половине XVI столетия. О наличии у нее двух этих имен мы знаем благодаря сопоставлению источников разного типа. В Синодике Новодевичьего монастыря дочь Михаила Кубенского фигурирует как *Елена*, однако помянуть ее предписывается 13 мая, на память св. Гликерии, мученицы Траянопольской ([Павлов-Сильванский 1985: 196 <л. 304>]; ср.: [Ibid: 199 <л. 322>]). В свою очередь, на крышке саркофага этой княжны имеется надпись, где она названа *Гликерией*: «кнд^ж Михаилова до^и Кубе^вско^г Гликѣ^иа Петрова жена Васи^иев^иа Морозова» [Гиршберг 1960: 47 <№ 102>].

Таким образом, для девочки, появившейся на свет в знатной семье 13 мая, по календарю выпадало крестильное *Гликерия* — в подавляющем большинстве месяцев под этой датой попросту нет никаких других женских имен. *Елена* же было одним из самых популярных женских имен на Руси в целом и в элитарных кругах в особенности, да и календарный промежуток в восемь дней между празднованиями двум этим святым был более чем уместным. Все вышеизложенное, как кажется, позволяет говорить о случае Елены / Гликерии Хворостининой как о классическом образчике женской христианской двуименности, приходящимся вдобавок на столь же классическую эпоху бытования этой антропонимической традиции как таковой.

Вполне классическим можно счесть и тот способ репрезентации почитания личных небесных покровителей, который используется при создании ковчега. Как известно, обратная, задняя, обращенная вниз или вовнутрь сторона сакрального объекта — это более чем традиционное место для расположения образа святого, связанного с именем непубличным. Здесь достаточно вспомнить, к примеру, икону, пожертвованную в Макариев Желтоводский монастырь одним из самых знаменитых современников княгини Хворостининой, Дмитрием Михайловичем Пожарским.

На лицевой стороне вкладной иконы, вполне предсказуемым образом, изображен св. Дмитрий Солунский, небесный тезка князя, чья память празднуется 26 октября. На оборотной же стороне обнаруживается изображение врача-бессеребренника Космы¹⁷. В соответствующих текстах, с одной стороны, сообщается, что 1 ноября, на память Космы и Дамиана, Дмитрий Михайлович появился на свет, а с другой стороны, имя *Дмитрий* последовательно характеризуется здесь как «прозвище»¹⁸. Следовательно, у нас есть все основания полагать, что именно *Космою* князь был крещен.

Следует отметить, что оба тезоименитых святых — тезка по публичному имени и тезка по имени крестильному — разумеется, почитались всеми носителями двуименности, однако, так сказать, материальное выражение этого почитания, когда поминальные и заздравные корма назначаются на праздники, связанные как с тем, так и с другим

---

¹⁷ В свое время это обстоятельство даже вызвало к жизни гипотезу, согласно которой князь, заказывая эту икону, пожелал вспомнить о своем сподвижнике Козьме Минине. Однако уже довольно давно, благодаря целому комплексу поминальных записей и найденному Ю. М. Эскиным [2000] завещанию князя, было установлено, что *Косма* — это не что иное, как второе имя самого Пожарского.

¹⁸ Ср.: «Того же дни <1 ноября> кормити по бояринѣ по Козмѣ, прозвище князь Дмитрій Михайловичѣ Пожарскомѣ, на тотъ день рождение его, колачи, рыба, квась сыченъ» [Вахрамеев 1896: 21].

покровителем, когда заказываются иконы или драгоценные артефакты, несущие на себе образы обоих небесных тезок, было доступно далеко не каждому. В XVI в. подобный обычай внешней репрезентации культа сразу обоих тезоименных патронов связан, по преимуществу, с великокняжескими и царскими семьями. Лишь к началу XVII столетия аналогичная практика получает распространение и за пределами династии, в элитарных кругах. Кроме обсуждавшейся выше иконы, принадлежавшей Дмитрию / Косме Пожарскому, можно вспомнить, например, казус Бориса / Емелиана Лыкова, который учредил для себя заздравные корма не только на св. Емелиана (18 июля), его патрона по крестильному имени, но и на празднование свв. Борису и Глебу, 24 июля [Кормовая книга Новоспасского мон. 1903: 24, 27], которое отстояло от дня св. Емелиана Доростольского всего на несколько дней.

По-видимому, собрание и оформление драгоценных реликвий ковчега производилось семьей Хворостининых в полном соответствии с этой новой моделью подражания знати благочестивому обиходу царской семьи. Парадным, лицевым его содержимым становится драгоценная икона с изображением свв. Константина и Елены, тогда как на оборотной стороне размещаются потайные ящички, в один из которых попадает мощевик с реликвиями св. Гликерии; ее же образ появляется на нижней части рамы ковчега, месте вполне традиционном для размещения фигур личных святых покровителей донатора или заказчика драгоценного предмета.

Нет ничего удивительного и в том, что подбор реликвий был так тесно связан именно со святыми патронами матери Хворостинина. Княгиня прожила долгую жизнь, овдовела, вместе с сыном делала вклады на помин души покойного мужа и, по-видимому, попросту оставалась для Ивана Андреевича единственной ближайшей родственницей, своеобразным воплощением семейного и родительского благочестия, так что вполне ожидаемо, что, начав свое собрание реликвий еще юношей, он поставил во главу угла культ ее личных небесных покровителей. Из многочисленных сокровищ, доступных Хворостинину во времена правления самозванца, внутри ковчега оказалась замечательная и весьма ценная сама по себе икона царя Константина и царицы Елены, покровительницы его матери по публичному имени, а для оборотной стороны были раздобыты мощи св. Гликерии, покровительницы его матери по имени крестильному.

Итак, одна из сквозных сюжетных линий, вокруг которой формировалось пространство ковчега как целого, основывается, по всей видимости, на почитании личных патрональных святых матери Ивана Андреевича Хворостинина. Не исключено, что первоначально он именно

для матери, а быть может и вместе с ней, подбирали те реликвии, что стали частью ковчега. Прочие же сюжетные линии этого комплекса несут на себе несомненный отпечаток личности самого Ивана Андреевича — поэта, историографа, почитающего себя знатоком священных текстов, обрядов и канонов.

Обратим внимание, что в надписи на нижней части ковчега он не просто перечисляет вложенные реликвии, но стремится снабдить их своеобразным историческим контекстом, продемонстрировать собственную осведомленность и по возможности повысить статус своей коллекции, не выходя при этом за рамки правдоподобия. В отличие от сухого каталогизатора, князь упоминает не только то, что есть в самом ковчеге или используется в его оформлении, но и предметы, физически здесь отсутствующие. Так, в его тексте рядом с упоминанием креста, прикрепленного к хранящейся в ковчеге иконе, появляется шапка Мономаха, диадема и даже сердоликовая чарка, связанная с римской императорской древностью — князь использует довольно любопытную трактовку, согласно которой из этой чарки пил не кто иной, как император Август, к которому, как известно, возводил свой (а соответственно, и всех Рюриковичей) род Иван Грозный. С другой стороны, в отличие от некоторых историографов XIX столетия, описывавших содержимое ковчега, Иван Хворостинин отнюдь не пытается утверждать, что находящийся в ковчеге крест — это та самая реликвия, что была прислана Владимиру Мономаху из Византии. Он явно заботится о своей репутации знатока обрядов и церковных и светских древностей и говорит лишь о том, что его крест выполнен из дерева того креста, что привезли князю Владимиру Всеволодичу. При этом Хворостинин создает вокруг данного предмета такую нарядную и затейливую риторическую оболочку, где переплетены и «рифмуются» между собой чарка Августа, крест и шапка Мономаха, что лицо осведомленное должно восхититься образованностью создателя ковчега, а человек менее искушенный или стремящийся принять желаемое за действительное сочтет, что ковчег имеет большее отношение ко всем этим инсигниям, нежели это было на деле.

Очевидно, что стремление придать ковчегу некий общественно значимый статус и дополнить его соответствующими реликвиями проявляется у князя на финальных этапах создания этого артефакта. Так, панagia («скрыжальца») вне всякого сомнения была вставлена в икону позже, чем крест. Сделанная на ее оборотной стороне надпись, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что это было исполнено не только после воцарения Михаила Романова, но и после того, как Иерусалимский патриарх Феофан в 1619 г. поставил на патриарший престол Филарета

Никитича. В самом деле, стремясь подчеркнуть (а по возможности, и повысить) ценность того объекта, на который нанесен текст, князь Хворостинин не только описывает три заключенных в нем камня, но и сообщает, что эту святыню носил на своих персях патриарх Феофан, когда был дьяконом. Разумеется, упоминания такого рода повышали сакральность панагии именно с того времени, когда свершилось важное для Руси действие — поставление в патриархи Филарета Романова. Иными словами, едва ли такая надпись могла быть сделана в первое десятилетие XVII в., когда Феофан воспринимался лишь как дьякон, племянник Иерусалимского патриарха Софрония, приезжавший на Русь при Борисе Годунове в качестве посланника своего дяди¹⁹.

Таким образом, комплекс, который принято называть ковчегом Хворостинина, начинался, со всей очевидностью, как семейная реликвия, ориентированная в первую очередь на фигуру княгини Елены / Гликерии Васильевны, матери Ивана Андреевича. На поздних этапах ковчег был дополнен элементами, несколько меняющими его прагматику и превращающими его в своего рода историческую реликвию. Быть может, подобное перепрофилирование артефакта произошло в тот момент, когда княгини Елены / Гликерии не стало. Нельзя ли допустить, что Иван Андреевич решил преподнести изготовленный по его заказу ковчег в дар царскому дому в ту пору, когда он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь за свои вольнодумные речи (конец 1622 — начало 1624 г.)? Не могло ли, с другой стороны, такое подношение быть связано с его возвращением ко двору в 1624 г.?

Безоговорочно отвергнуть такие предположения невозможно, однако приходится признать, что ковчег к тому моменту представлял собой полностью завершённый комплекс. Трудно допустить, чтобы князь, столь тщательно запечатлевший в надписях такое количество подробностей о времени его собирания и составляющих его реликвиях, никак не отметил бы факта его дарения или передачи правящей семье. Еще труднее представить, чтобы он не счел возможным поместить на таком подношении хоть какие-то изображения небесных тезок членов царской семьи. Более того, самый характер надписи, где князь максимально развернуто и торжественно именуется *Иоанном Андреевичем Хворостининым*, а никакие иные вкладчики или заказчики не названы вовсе, этикетно абсолютно не соответствует идее подношения государю и, тем более, выполнения государева поручения. Скорее всего, в царскую казну ковчег попадает уже после смерти бездетного князя, из

---

¹⁹ М. В. Мартынова [2003], напротив, исходит из того, что панагия была врезана в икону между 1603 и 1606 гг., однако, как уже отмечалось, характер сделанной на ней надписи не вполне соответствует, на наш взгляд, такой датировке.

чужих рук²⁰, — не в последнюю очередь потому, что в своих пространственных поясняющих надписях на ковчеге Хворостинину удалось на редкость тонко уловить дух эпохи и вкусы царствующего дома.

В самом деле, начало правления династии Романовых ознаменовано стремлением продемонстрировать свою преемственность по отношению к древней династии Рюриковичей, причастность к событиям давней династической истории. Естественным образом, все предметы, так или иначе символизирующие старинные властные полномочия, а тем паче объекты, связывавшие прежнее с настоящим, к примеру, древнего митрополита Неофита, посылающего инсигнии Владимиру Мономаху, и еще живущего Иерусалимского патриарха Феофана, поставившего Филарета Романова, оказываются весьма востребованными. Самое перечисление реликвий и соответствующая расстановка акцентов в текстах ковчег отвечали этой востребованности в высшей степени. По-видимому, риторическое щегольство князя-историографа не пропало даром и произвело чаемое впечатление на современников — во всяком случае, описание креста и иконы из его ковчег присутствует в начальной части «Описи большому государеву наряду в государевой большой казне», составленной в 1642 г.²¹

В дальнейшем, когда необходимость демонстрировать властную преемственность по отношению к Рюриковичам у окрепшей династии Романовых на долгое время уходит на второй план, на второй план уходит и ковчег князя Хворостинина — нет никаких сведений о том, чтобы содержащиеся в нем предметы участвовали в каких-либо обрядах и церемониях, связанных с помазанием на царство или другими событиями государственной важности. Мы знаем только, что после смерти Михаила Федоровича в описях Большой казны этот предмет более не фигурирует, а в начале 80-х гг. XVII в. он появляется в

---

²⁰ Так распорядиться ковчегом (по собственной инициативе или выполняя волю умершего) мог, например, князь Алексей Михайлович Львов, чья головокружительная карьера при царском дворе в эти годы как раз начинала разворачиваться. Во всяком случае, мы знаем, что именно он, а не кто-то из родственников-Хворостининых, в 1625 г. дает по Ивану Андреевичу и его матери Елене / Гликерии огромный погребальный вклад в Троице-Сергиев монастырь [Вкладная книга ТСМ: 47 <л. 136 об.–137>]. Он же тремя годами позже выкупает у монастыря часть вотчинных земель Ивана Хворостинина около Переславля-Залесского. Еще одна часть была выкуплена кузеном Ивана Андреевича — Юрием Дмитриевичем Хворостинным. Строго говоря, ковчег мог попасть в государеву казну и от него, а также непосредственно из монастыря. Впрочем, все это не более чем догадки.

²¹ Опись 1642 г. отсылает к предшествующим, несохранившимся описям времен Михаила Федоровича, при этом ее собственная сохранность в той части, где говорится об интересующей нас реликвии, уже ко времени ее воспроизведения (1851 г.) была уже очень плохой [Древности 1851: 68–69], и, соответственно, это описание дошло до нас далеко не полностью.

так называемой переписной книге Благовещенского собора [Древности 1851: 68–69].

Лишь значительно позже, в XIX столетии, в свете уже совсем иного интереса к историческому прошлому, риторическая стратегия Ивана Андреевича в совокупности с различными факторами (пресловутая начальная позиция в весьма обветшалой Описи, несомненная художественная ценность, отличная сохранность) как бы срабатывают заново, заставляя вновь переоценить — во всех смыслах этого слова! — статус как всей реликвии, так и составляющих ее элементов.

Библиография

Вахрамеев 1896

Вахрамеев И. А., публ., *Исторические акты Ярославского Спасского монастыря*, 3: *Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая*, Москва, 1896.

Вкладная книга ТСМ

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева, подгот. изд.; отв. ред. Б. А. Рыбаков, Москва, 1987.

Георгиевский 1907

Георгиевский Г. П., вступ. ст., публ., Чаша Государева, слог Князя Ивана Семеновича Куракина, литературный памятник XVII века, *Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III*, 12, 1907, 307–319.

Гиршберг 1960

Гиршберг В. Б., Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVI вв. Часть I: Надписи XIV–XVI вв., *Нумизматика и эпиграфика*, 1, 1960, 3–77.

Древности 1851

Древности российского государства. Отделение II: Древний чин царский, царские утвари и одежды, Москва, 1851.

Кормовая книга Новоспасского мон. 1903

Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря, Москва, 1903.

Исаак Масса

Либерман А., сост., Шокарев С., послесловие, указатели, глоссарий, Исаак Масса, Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей, *О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса, Петр Петрей*, Москва, 1997, 13–150.

Леонид Кавелин 1879

Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, А. В. Горский, *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида*, Москва, 1879 (= Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1879, 2).

Литвина & Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, *Средневековая Русь*, 13, А. А. Горский, отв. ред., Москва, 2018, 241–280.

- 2018a
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Манифестация связи с правящим домом в женских именах: Ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 4(74), 2018, 63–79.
- Лихачев 1900
Лихачев Н. П., Двойные имена, *Известия русского генеалогического общества*, 1, 1900, 126–128.
- 1900a
Лихачев Н. П., Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий, *Известия русского генеалогического общества*, 1, 1900, 70–113.
- Малиновский 1807
Малиновский А. Ф., *Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося*, Москва, 1807.
- Мартынова 2000
Мартынова М. В., Ковчег Ивана Хворостинина, *Христианские реликвии в Московском Кремле*, А. М. Лидов, ред.-сост., Москва, 2000, 63–66.
- 2003
Мартынова М. В., Ковчег Ивана Хворостинина, *Художественные памятники Московского Кремля: Материалы и исследования*, 16, Москва, 2003, 91–109.
- Муравьев 1858
Муравьев А. И., публ., *Сношения России с Востоком по делам церковным*, С.-Петербург, 1858.
- Павлов-Сильванский 1985
Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.
- РИБ 1–39
Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, 1–39, С.-Петербург (Петроград, Ленинград), 1872–1927.
- Титов 1881
Титов А. [А.], *Вкладные и кормовые книги ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях*, Ярославль, 1881.
- Успенский & Успенский 2017
Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.
- Холмогоров & Холмогоров 5 (1886)
Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И., сост., *Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVII ст., 5: Радонежская десятина (Московского уезда)*, Москва, 1886.
- Шумаков & Шохин 2002
Шумаков С. [А.], *Обзор «Грамот Коллегии Экономии»*, 5: Л. И. Шохин, сост., *Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде*, Москва, 2002.
- Эскин 2000
Эскин Ю. М., публ., *Завещание князя Дмитрия Пожарского*, *Отечественная история*, 1, 2000, 143–157.
- Яцимирский 1897
Яцимирский А. И., *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина*, 2, Москва, 1897.

References

- Eskin Ju. M., publ., *Zaveshchanie kniazia Dmitriia Pozharskogo, Otechestvennaia istoriia*, 1, 2000, 143–157.
- Girshberg V. B., *Materialy dlia svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ia XIV–XVI vv. Chast' I: Nadpisi XIV–XVI vv., Numizmatika i epigrafika*, 1, 1960, 3–77.
- Lieberman A., Shokarev S., eds., *Isaak Massa. Kratkoe izvestie o nachale i proiskhozhdenii sovremnykh voim i smut v Moskovii, sluchivshikhsia do 1610 goda za korotkoe vremia praveniia neskol'kikh gosudarei, O nachale voim i smut v Moskovii: Isaak Massa, Petr Petrei*, Moscow, 1997, 13–150.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dvuimennosti v dopetrovskoi Rusi, Srednevekovaia Rus'*, 13, A. A. Gorskii, ed., Moscow, 2018, 241–280.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Manifestatsiia sviazi s praviashchim domom v zhenskikh imenakh: Rannie Romanovy i sem'ia Dmitriia Godunova, Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4(74), 2018, 63–79.
- Martynova M. V., *Kovcheg Ivana Khvorostinina, Khristianskie relikvii v Moskovskom Kremle*, A. M. Lidov, ed., Moscow, 2000, 63–66.
- Martynova M. V., *Kovcheg Ivana Khvorostinina, Khudozhestvennye pamiatniki Moskovskogo Kremli: Materialy i issledovaniia*, 16, Moscow, 2003, 91–109.
- Pavlov-Silvansky V. B., Koretskii V. I., eds., *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyria*, Moscow, 1985.
- Shumakov S., Shokhin L. I., eds., *Obzor "Gramot Kollegii Ekonomii", 5: Materialy po Vladimiru, Gorokhovtsu, Muromu, Suzdaliu, Jur'ev-Pol'skomu i Vologde*, Moscow, 2002.
- Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie ime-na na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Лаборатории лингвосомиотики Школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
ведущий научный сотрудник
научно-учебной лаборатории медиевистических исследований
Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskiy@gmail.com

Received March 3, 2021